

Андрей Затонский
Брызги первых дождей

Невыдуманные истории

Андрей Затонский
Брызги первых дождей.
Невыдуманнные истории

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149040
ISBN 9785449607270*

Аннотация

Книга содержит три повести о походах 1988—1990 годов, написанные автором непосредственно после их окончания, то есть в возрасте 18—20 лет. Читателю она может быть интересна забытым своеобразием тех времен и походов тех времен, а также комментариями автора, уже солидно повзрослевшего и много раз изменившегося в жизни, к своему творчеству. Иллюстрирующие фотографии сделаны в ходе описываемых походов.

Содержание

Вступление: 1988 – 2018	5
Одна неделя марта или правдивые рассказы о реальных событиях	7
Что-то вроде вступления	7
День 1: 23 марта 1988 г., среда	12
День 2: 24 марта 1988 г., четверг	23
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Брызги первых дождей Невыдуманнные истории

Андрей Затонский

© Андрей Затонский, 2018

ISBN 978-5-4496-0727-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление: 1988 – 2018

В этом году у меня юбилей.

Тридцать лет назад я впервые ходил участником, и в том же году – руководителем в категорийный спортивный туристский поход.

Как и положено молодому студенту (комсомольцу, активисту и т.п.), был я рьян и горяч в оценке происходящего, и полагал свое мироощущение важным и нужным для окружающих. А потому писал о походах книги.

В походы тогда много народа ходило. Школьники ходили – безо всяких договоров с родителями и бутилированной воды на маршруте. Студенты ходили – билет до Москвы от Перми в купе стоил 28% моей стипендии, чего ж не ходить-то. Сейчас в районе 6—8 студенческих стипендий стоит. Взрослые ходили – их же отпускали в полный отпуск, а не на две недели со скрипом. Пенсионеры ходили – вот эти и сейчас временами ходят, сказывается закалка.

Жизнь за тридцать лет менялась много раз. И сейчас, возвращаясь из очередного похода, где ни Интернета, ни сотовой связи, опасаясь – в то же самое государство вернешься? Не случились ли за время нашего отрыва от Большой Земли дефлот, война, новый пакет законов?

Последние изменения жизни приводят к тому, что в походы ходят все меньше. Множество коммерческих групп сну-

ют по глубоко протоптанным маршрутам, отдельные энтузиасты умудряются собрать с области одну-две группы для походов высоких категорий сложности, но многое безвозвратно ушло в прошлое.

Слепок собственной памяти с этого прошлого я и предлагаю в виде этой книги. Как оно было в 1988-м, в 1989-м, в 1990-м годах.

Разумеется, сам я тоже менялся много раз за тридцать лет. Добрался до мастера спорта, чемпиона России и так далее. Моя точка зрения на излагаемые в книге события, конечно, тоже уже не та, что при написании этих текстов. Самому интересно читать и вспоминать, как молоды мы были, как искренне любили и верили, какие великолепные глупости совершали. Язык и понятийная система с тех пор тоже существенно изменилась, поэтому каждую повесть приходится излагать дважды. Текст излагается почти так, как он был написан много лет назад – разве что все фамилии удалены. А затем начинается разговор с самим собой в комментариях, ведь я уже совсем не тот, что автор этих строк. Мне есть, о чем с ним поговорить, со мной же двадцати-тридцатилетним, поспорить, а где-то и повздорить, понасмеяться или попечалиться. Заодно и объяснить тем, кому непонятны советские слова, что они тогда значили и какой подтекст несли.

В общем, моим ровесникам – приятных воспоминаний о своей молодости, юным читателям – удивления от того, что, оказывается, и так в жизни тоже может быть.

Одна неделя марта или правдивые рассказы о реальных событиях

Что-то вроде вступления

Началось это банально, как и полагается начинаться всяким интересным делам. Во время моего пребывания дома на каникулах я подошел к Надежде Ивановне¹ и попросил ее сводить на весенние каникулы штабье² в какой-нибудь дальний поход, на Кваркуш, Конжак или еще куда. Она загорелась. Мы говорили в райкоме около часа, потом шли по улице, и разговор не прерывался ни на минуту. Был январь, шел холодный крупный снег, и темнота лежала на городе, а разговор пробуждал к жизни воспоминания и заведомо несбыточные мечты. Такого вдохновения я не видел в ней раньше: казалось, она без конца готова говорить только о походах, планах, схемах, людях с рюкзаками, плохой и хорошей погоде, высоких горах и быстрых реках... Подытоживая, сказала: – Андрей, если у тебя в жизни будет два настоящих увлечения, работа и туризм, ты будешь вполне счастлив!

---

¹ Секретарь райкома комсомола г. Березники, опытный турист.

² Членов Березниковского городского комсомольского штаба «Трубачи», командиром которого я когда-то был.

О семейной жизни я уточнять не решился.

Н.И. сказала, что сама вести не может, но попросит одного из своих воспитанников, бывшего штабиста, Влада. Она же привела его на штаб³, куда пришли и родители желающих, чтобы решить, стоит ли отпускать своих чад в такое путешествие.

Ох он запудрил им мозги. И идти-то там совсем ничего, и спать-то в избах, а Денежкин – как на третий этаж по лестнице... Странные люди родители. Я не допускаю мысли о том, что штабье не рассказывает дома о прошлых походах, а, стало быть, папы и мамы должны понимать, что наобещанные блага цивилизации – лапша на большие уши. Но ведь сидят, довольно кивают и дают «добро» только, когда услышат заверение руководителя, что ничего плохого в пути не случится. Что стоит такое заверение, и неужели без него не ясно, что кэп⁴ будет стараться сделать все, чтобы не было печали? *Santa simplicitas!*⁵

Влад не хотел брать много народа, заранее предчувствуя, что группа получится тяжелой на подъем. Но просились и просились, и под конец набралось 16 человек. Ничего себе. Одно утешение – девчонок шестеро! Кого другого на край положим, а сами в серединочку. Впрочем, насчет края я ил-

---

³ Все правильно, «на штаб». То есть на еженедельное заседание штаба

⁴ Captain, то есть капитан, руководитель похода.

⁵ Святая простота (лат.) Так Джордано Бруно приветствовал ледащую старушку, привнесшую свой вклад – вязанку хвороста – в его инквизиторский костер.

люзий не питал. Народ собирался молодой, необстрелянный, померзнут ведь...

Выход назначили на 23 марта утром. 21-го вечером собрались все, и были веселы и слегка взбудоражены предстоящей кругосветкой. Танюша с кэпом опоздали – раскладывали дома у него продукты, и их ждали что-то около часа. Рюкзаки подобрали ничего, нормально, большинство «Ермаков»⁶.

Поначалу я слегка терялся, не зная, куда себя девать, говорил на отвлеченные темы с окружающими. Потом все общество разбилось на зоны по интересам, и разговоры стали специфичнее. Сережа все хотел показать, какой он большой и сильный, толкался налево и направо. Девушки стояли в сторонке и балагурили. Было бездельно, а потому скучно.

Влад сначала мне чем-то не понравился – не то своей «туристостью», манерами поведения, присущими «истому» туристу, но не вяжущимися со штабными привычками, не то медлительностью и опозданием, а может быть, тем, что ему не нужны были никакие советы: он знал все сам⁷. Я как-то привык слегка хотя бы демократизировать решение любых вопросов, а кэп имел другой стиль. Впрочем, большинство народа было вполне довольны им, а себя я поприжал.

Девушки веселились не по делу, одна Таня ходила неиз-

---

⁶ Да. Тогда считалось, что лучше станкового рюкзака «Ермак» и не бывает. «Бобы» советская промышленность стала выпускать через несколько лет, а чтобы шить самостоятельно, было невозможно достать материал.

⁷ Вполне нормальная манера поведения, как я сейчас понимаю. Абсолютно точно, что я сейчас тоже и так же кому-нибудь не нравлюсь.

вестно на кого обиженная и, по приказу кэпа, выдавала мешки с продуктами. Все это тянулось очень долго, как мне показалось, можно было вдвое быстрее. Нас с Витей приписали третьими номерами к уже готовым парам дежурных⁸ для страховки. Мы покричали для вида, весело повозмущались. Я попал, кажется, к Наташке⁹ – ничего, жить можно. Впрочем, не все ли равно? Перспектива вставать на час раньше не из приятных, но на обильный сон и так рассчитывать не приходится, так что часом больше, часом меньше...

Влад сказал: нужно раскладывать людей по спальникам. Я слегка удивился: помнится, после одного инцидента принудительную раскладку отменили. Она, конечно, не умерла, но происходила негласно, а тут... Ладно, ему виднее, «жираф большой».

– Всем пофиг, как спать, или нет? – задал решающий вопрос командор. – Ну, раз всем, то я калибровать буду. Татьяну... – решительная отметка ручкой в списке, – я беру под свою опеку.

И так далее. К нам с Витей попали Юля с Ириной, а в мужской спальник, кроме всех прочих, попал Слава. Боже, как у него вытянулось личико!.. Сейчас заплачет. Витька увидел,

---

⁸ Очередность дежурства расписывалась заранее и строго соблюдалась. Нарушить ее мог только какой-то серьезный проступок, «попадание в черный список», за которое руководитель мог назначить дежурство вне очереди. Руководитель вообще много, что мог, и никто не спорил с этим.

⁹ Десятиклассница, в описываемый момент – командир штаба. Это важно помнить для восприятия тонкостей дальнейшего текста.

обозлился, резко подошел к нему и оборвал на полуслове какую-то реплику. (Славка воззрился с недоумением: раз обошли, да еще обижают – ох и хам же он трамвайный!). А Витька сказал кэпу, чтобы клал его и меня вместо Славки и еще кого-то в мужеской спальник. Кэп не протестовал. Славик расцвел, зараза. Вот бы ему...

Перспектива моноандрического спальника меня не шибко обрадовала. Сказать откровенно – пусть-ка молодежь прозябает (даже не от слова «зябнуть») в нем, а нам, старикам¹⁰, можно бы (выразительное многоточие)...

– Витя, похоже, ты перестарался, – только и сказал я ему.

Опосля этой разборки и калибровки мы сбежали по-английски не попрощавшись. Подготовительный день, а особенно, его финал, н произвел на меня приятного впечатления, о чем я Витьке и сообщил. Он пофыркивал, но тоже был не совсем доволен. Хотя насчет финала говорил, что так будет еще и лучше. Интересно, насколько правдиво? А я решил так: когда некто там, наверху, если таковой есть, решает судьбу крупной удачи или неудачи, то он учитывает мелкие обломы, вроде этого – алгебраическая сумма счастья и несчастья всегда равна нулю, это, к сожалению, закон. Так что, может быть, и в самом деле – к лучшему.

---

¹⁰ То есть уже восемнадцатилетним. Я и Витя были первокурсники МВТУ им. Н. Э. Баумана, все остальные упоминаемые персонажи, кроме Влада – школьники 8—10 классов.

День 1: 23 марта 1988 г., среда

Ночью я спал часа три. Около полуночи вышел проверить, попробовать лыжи, и благополучно сломались крепления. Бегом начал подлаживать, пригонять беговые, сажать на шурупы на эпоксидке крепления, мама шила бахилы, а еще рюкзак собран только наполовину... Веселая была ночь.

Утром к шести часам, как слегка рассвело, пошли с мамой в гараж смолить эти беговушки. Еле-еле хватило остатков смолы, и бензин в паяльной лампе кончился в обрез. Лыжи после просмолки напоминали леопардову шкуру. На вокзал приехал самым первым, и мы с мамой еще успели взять билеты на Пермский, на второе апреля, чтоб ехать назад, в Москву, прежде чем съехались туристы.

Все, как всегда, были веселы. Витька водрузил на себя бинокль Юли Маленькой с явным намерением с ним не расставаться и оглядывал «секретные объекты» в окрестностях станции. Сергей слишком громко шутил и смеялся. Эдик держался в обычной своей манере «слегка не от мира сего». Костя был спокоен, он еще не осознал, куда поехал. Девушки держались стайкой, понакупили аляповатых значков и раздавали всем-всем-всем. Кэп был флегматичен. Таня и Надя забыли дома, с недосыпа, вареных кур, а потому рванули за ними.

Ох уж эти куры! Помнится, почти год назад на Усьву тоже

взяли пару кур на предмет сварить и съесть. Я тогда выступал рьяным противником этой авантюры, так что на сей раз Таня позаботилась о том, чтобы заранее успокоить мои чувства, возникающие при виде розово-голубоватых тушек престарелых цыплят. Это она делала с максимально возможной дружеской нежностью, не опускаясь до фамильярности. Зря старалась. Ибо если я и протестовал когда-то вплоть до того, что коллектив под моим руководством окрестил съеденных «голубые гомозиготные куры Шабановской породы¹¹» и придумал еще много нелестных прозвищ их тощим косточкам, невесомым, эфемерным волокнам мяса на них и деблоей бегемотьей коже с закостеневшей остью, так вот – если я и протестовал, то для вида и для шума, а не для того, чтобы выкинуть этих цыплят... Ведь если зампомначхоз решила, что будут куры, то или будешь глодать крылушко и вспоминать Щукаря и вустриц, или будешь жевать все, что захочешь и что вокруг найдешь. А пошуметь-то оно приятно: сразу в центре внимания, а если что дельное сказать (правда, редко это бывает), то услышав, мимо ушей не пропустят; сказав же пошло, прощен будешь, ибо все помнят мудрое правило – не скользит тот, то не едет.

Кэп слегка нервничал по поводу завхозов, так как они явились только непосредственно перед поездом, и мы уже собирались закидывать их рюкзаки в вагон, а там уж как им

---

¹¹ Мы так любили нашу учительницу биологии, что просто не было выбора, чьим именем торжественно наречь сей продукт.

Бог пошлет добираться. Но они благополучно приехали перед самым отходом и законно попали в черный список.

Сидим в поезде. Места заняли удачные, одно купе¹² целиком наше. Я поспал пятьдесят минут, когда отъехали немного, и почувствовалось, что глаза слипаются. Потом хотел поспать еще чуть, но не сумел не прислушаться к разговорам в соседнем купе, и сон слетел сам собой. В основном, вниманием там владел Витька: громко разговаривал, верный принципу разговорной анархии, пел *a capella* всяческое, в том числе похабщинки про поручика Голицына, и не сумел, или не счел нужным, остановиться на фразе

*А в комнатах наших сидят комиссары
И девочек наших ведут в кабинет¹³.*

Я слез, пришел в общую толпу. Таня с Надей спали вобнимку. Эдик сидел на второй полке и читал или притворялся. Наташа глядела в окно и, вроде бы, мало обращала внимание на происходящее. Сергей «шутит», подобно Вите. Я же что-то не мел большого настроения, если и смеялся, то через силу, если шутит, наверное, глупо.

Поезд мчит. Дорога знакома: до Усьвы ездили не раз (а если конкретно, то пять раз¹⁴), а от Усьвы до Чусового рукой

---

¹² Плацкартного вагона, используемого в качестве общего.

¹³ 1988-й год, напоминаю. Комиссарам управлять Советским Союзом еще целых три года.

¹⁴ Право, это казалось очень много. Пять самостоятельных походов школьни-

подать. Снега вокруг, за окнами, подозрительно мало, увалы оголились, и где снег еще остался, там натоптанные за долгую зиму тропы возвышаются миниатюрными темными хребтиками, чернеют от грязи – видно издали. Солнце слепит всюю, и даже в вагоне, за грязными стеклами Казанского поезда¹⁵, довольно светло. Я даже кое-что снимал кинокамерой. Надя проснулась, приподнялась, села, потягивается и не замечает, что потихоньку стрекочет камера. Вокруг глухо смеются. Увидела, отвернулась, пытается спрятаться, будто ей бедная кинокамера смертельное оскорбление наносит. Вот ведь неужели это столь неприятно, что с души воротит? Смею предположить, что нет, а так, поиграться¹⁶ хочется, вот и вся причина этих ужимок. Таня тоже проснулась, села, сразу увидела, что идет съемка, и, недолго думая, высунула язык. Очень мало людей перед фото- или кинокамерой могут себя вести естественно. Кое у кого это безусловный рефлекс: как заметят, что их снимают, так в лице меняются и страшные становятся, будто...

Толпа приутихла. Едем уже прилично, и первые эмоции на исходе. Кто бесился – спит, кто спал – не бесится, потому что не с кем: спят. Таня и Эдик лежат на соседних верх-

---

ков с ночевками, обычно на 1 мая и 7 ноября, брезентовые палатки, ночлег на ватных одеялах, вот это всё.

¹⁵ №112, Соликамск – Казань. Давно отменен, как и многие другие поезда, и даже березниковский вокзал.

¹⁶ Все правильно. Мы же с Урала, а тут в ходу «мараться», «играться», «стираться»...

них полках. У Татьяны веселое настроение, она полезла щекотать Эдика, а тот уж и скорчился-скрючился, словно ему от той щекотки смерть смертная. Впрочем, сошлись в желаниии поиграть. Ему приятно, что до него девушке внимание есть, а ей только дай волю... Я еще, сдуру, начал Эдику деловые советы давать, как ее с полки легче обрушить, и все удивлялся поначалу, что ж он так пассивен. Витя сделал проще: с бокового места уперся унтом в верхнюю полку и задвинул ее вместе с ухажером почти что до конца. Мне понравилось. Я дурашливо заорал «Бис!» и схватил камеру. Витя с полным удовольствием сделал на бис, и кадр вошел в историю. Эдику это не понравилось: одно дело, когда Таня пальчиком, и совсем другое, когда Витя – да сапожищем.

– Витя, ну мы же комсомольцы, – укоризненно изрек он, что, впрочем, не произвело никакого впечатления. Интересно, как сюда может относиться комсомол?

Сидели, пели¹⁷, немного дурачились. Когда перепели и дельное, и всякую муть, мы на пару спели «Интернационал» Матвеева¹⁸ и по привычке, как делали в общежитии, перешли на нормальный, общепартийный, Интернационал. Вокруг сразу появились такие выражения лиц, что мы так до конца и не допели. А после нам, не отходя от кассы, сде-

---

¹⁷ В ГКШ «Трубачи» под гитару пели все, и каким-либо образом мешать песне считалось крайне дурным тоном. Песня это святое, она должна дозвучать. Впрочем, слово «святое», разумеется, не столько употреблялось, сколько подразумевалось.

¹⁸ Евгений Матвеев: «Последней баррикады бой утих, и воздух смолк»...

дали внушение – мол, петь нужно не здесь, не так, не в таком настроении, а лучше вообще не петь, как бы чего не вышло. Конечно, мы допустили несколько циничную ситуацию¹⁹, но вот что интересно. Кто-то протестовал против этого распевания искренне, но, не указывая особо лиц, можно с уверенностью сказать, что искренне возмущались не все. И когда мы привели неопровержимые доводы «за» типа того, что в дореволюционные времена его еще не так пели, и не там, и не тем составом, нам никто ничего толком возразить не смог. Вот ведь идеологи, а попадись им, так сказать, настоящий крепкий духом идейный враг, и пролетят, как фанера над Памиром²⁰. А интересно все же: с глубоко моральной и логической точки зрения, можно ли петь Интернационал или гимн не для случая, а для души, или даже не для души, а просто так?

...Чусовой залит солнцем. Мы стаскали лыжи и рюкзаки к желтой стене какого-то железнодорожного здания, в вокзал не пошли: там шустро копошился цыганский табор. Кэп пошел за билетам, оставив всю массу у вещей и сурово предупредив: смотрите, кабы чего не украли. Отсутствовал он довольно долго, и я, справедливо предположив, что он занят осмотром достопримечательностей местного буфета, нашел его там и спросил, не сводить ли людей в столовую. Года два назад был я в Чусовом несколько часов и запомнил, где круг-

---

¹⁹ Да. Очень широко тогда употреблялось слово «цинично».

²⁰ И пролетели, как известно. Всей страной.

лосуточная столовая. Командор разрешил сводить туда народ группами.

В столовой были цыгане. Бог мой, какая непотребная, грязная и убогая национальность!²¹ Поглядеть на них, так станешь националистом. Кричат по-своему, по-русски и совсем по-русски в голос, того им давай, этого. Одна цыганочка, лет шестнадцати, взяла две тарелки с кашей, подумала и аккуратненько выгребла серым пальцем пшенку из одной на другую. Толстуха в засаленном платке, багровея лицом, на всю столовую доказывала, что кассир не в ладах с устным счетом и прочей начальной арифметикой. Цыганенок, взявши загорелой от грязи ручонкой сомнительный биточек, жевал его, не отходя от кассы в буквальном смысле, и поглядывал красивыми, но абсолютно пустыми черными глазками на окружающих. Все наше внимание, за исключением самой малой части, потребовавшейся на отвлеченные разговоры, ушло на цыган да еще на то, что кэп с Танюшей, придя питаться, уселись как раз в противоположном от нас углу зала, делая вид, что с нами не знакомы. Ладно...

Шли назад, обсуждали проблему цыган дальше. Ни один большой русский писатель не прошел мимо цыганской темы – ни Пушкин, ни Лермонтов, ни, тем более, Горький. И всем казалось, что это нация душевная, свободная, самая

---

²¹ Да. Сейчас за такие слова можно схлопотать уголовное дело, наверное. По статье о разжигании. Но нет уж тех цыган, о которых речь, и нет уж того первокурсника, которого можно было бы привлечь к ответственности. А слово из песни не выкинуть.

свободная из всех возможных и невозможных народностей, еще бы – поле, верный конь, гитара, «эй, нанэ, нанэ, нанэ-нанэ-нанэ»... Посмотришь на них на вокзале, так ограничил бы им свободу передвижения конем и полем²²...

Вторая группа ушла есть и ко времени прихода электрички не вернулась. Кэп при помощи наиболее рьяных и верной Тани уложил уже лыжи в большие чехлы, чтоб удобнее таскать было, все готово, а народа – половина. Мы с Витькой что-то слегка вспылили по этому поводу и пошли, так сказать, навстречу. Смотрим, идут, как бы нехотя, не спеша, и мило беседуют. Вот народ! Командор ясно объявил время электрички, наверняка они слышали, как только что проматюгали прибытие, и – не спешат. Придали им ускорение и обнаружили, что еще кого-то из девчонок нет. Сделали пару кругов в районе вокзала, вернулись на платформу, а рюкзаков нет. Они уже в вагоне, и девчонки там же. Вот и вышло прямо по той морали: не перестарайся, усердствуя. Если бы кэп оттянул не их, а нас, за то, что пришли за три минуты до отправления, был бы прав. Вредная привычка беспокоиться за других.

Сначала я, Витька, Лена и еще кто-то ехали в тамбуре. Кого-то я не запомнил, потому что не видел, потому что мы сидели на ступеньках вагона и любовались пейзажами²³.

---

²² Да. Нетолерантно. См. предыдущее примечание.

²³ Не было в электричках автоматических дверей, ограничивающих свободу передвижения. Обычная дверь с нажимной ручкой, в любой момент можно от-

Электричка шла медленно. Мимо плыли медные под закатным солнцем сосны, рыхлый снег, хранивший и проявивший от тепла все следы, оставленные на нем за долгую уральскую зиму, откосы, уже освободившиеся от снега, и голубое вечернее небо накрывало эту красоту. Куда там любой кремлевской стене, любому Китай-городу до простого уральского леса, где ели острее, чем готические шпили, а сосны рельефнее любого барокко! Воздух был свеж и текуч, и разговаривать о пустяках под стук колес было приятно. Дорога петляла, увалы по сторонам напоминали о том, что поезду предстоит проехать через хребет, а вернее, через три хребта Европейский, Главный Уральский и Азиатский²⁴.

В вагоне толпа сама собой распалась на несколько групп по интересам. Одна группа, вкупе со мной, Витькой, Надей, Наташкой и Леной веселилась культурно. Пытались поставить оперу про «раз-два-три-четыре-пять», водяного, вспоминали «Бременских музыкантов» да так, что почтенные пассажиры вагона оглядывались и недоумевали – и откуда ж таких выпустили?²⁵ Вторая группа, включая кэпа и молодежь, играла в кинга²⁶. Интеллектуальная игра. Третья груп-

---

крыть и подышать свежим воздухом. Считалось, что пассажиру вполне можно доверить заботу о собственной жизни и здоровье.

²⁴ Конечно, от хребтов там уже мало что остается, на этой широте, но станции-то с такими названиями и сейчас есть.

²⁵ Однако ж трезвая молодежь, распевая песни, в те времена пользовалась уважением. Сейчас правила проезда это запрещают.

²⁶ В карты то есть. Школьники. В электричке.

па была представлена наименьшим составом, но привлекала мое (и не только мое) пристальное внимание.

Эдик постепенно терял голову. Он первый раз пошел со штабом в поход и слегка одурел от близкого присутствия девушек, которые были совсем не прочь поиграть с ним. Сначала он просто подсаживался поплотнее к Ирине. Интересную он цель выбрал: сколько я помню с лагеря, она была всегда одной из строгих блюстительниц нравов. Для начала он скинул ботинки и вскарабкался на скамейку, где она сидела, под предлогом похолодания. Ирина посмеивалась; на противоположной скамейке Юля Маленькая смеялась громко. Ей тоже было интересно, а и что же будет дальше. Когда я обернулся в следующий раз, Эдик уже возлежал головой на коленях Ирины, а она вкуче с Юлькой чесала ему патлы. Надо было видеть, какое тонкое эротическое наслаждение было на физиономии Эдуарда! ... (выразительное многоточие.) Мне стало не то чтобы противно, но что-то около. Витя громким голосом, нимало не смущаясь, произнес: «Какая пошлость!!» Они не среагировали. Мы намекнули Наташе как идейному руководителю, что сие действие никак нельзя оставить без пристального внимания²⁷. Она сделала вид, что не оставит.

Наступила ночь. Проехали Теплую Гору, Европейскую, и небольшой контингент откололся в тамбур смотреть на геодезический знак Европа-Азия. Мы с Витькой тихо

---

²⁷ Да. Строгие тогда были нравы. Домострой, фактически.

пошлили по поводу Эдика, который дремал, объяв Ирину. Славик дремал, объяв Надю. Татьяна, возбужденная недосыпом, ходила кругами. Юноши из молодых были снулые от малости сна. Коля стоял с нами и внимательно слушал, изредка забывая закрывать рот. Помнится, говаривали мы в рамках дозволенного, но на грани того, что в штабе считалось недопустимым. Он такого еще не слышал, по молодости, и внимал, учился.

Сначала за знак приняли какой-то фонарный столб, и громко прокричали «ура». потом ошибку поняли и исправили, троекратно восприветствовав настоящий знак, белый, похожий на маленькую буровую вышку. Он мелькнул так быстро, что подробностей я не разглядел. Электричка разогналась и бежала километров восемьдесят, не хуже столичных²⁸. Ледяной ветер холодил до печенок, а над горным лесом стояли яркие звезды зимнего неба, великолепный Орион, и Сириус холодно переливался, будто маленький яркий шарик перекатывался по черному бархату небосвода. Луна была в зачаточном состоянии и уже скатилась так низко, что не мешала видеть звезды. Глядели мы на них в бинокль, с которым Витька не расставался, хотя и препоганый он был – все в изжелта-зеленых тонах показывал, а воздух был чист, и у каждой звезды, до самых малых, простым глазом можно было различить цвет.

---

²⁸ Просто бесподобно в такой ситуации ехать, приспустившись из открытой двери вагона на пару ступенек лестницы. Жаль, что теперь это невозможно.

День 2: 24 марта 1988 г., четверг

В Гороблагодатскую приехали к полуночи. Выгрузились. Занесли вещи в вокзал – на улице было свежо, предстояло несколько часов ждать поезд Свердловск – Бокситы. Поели в весьма средней по качеству и количеству круглосуточной железнодорожной столовке. Продолжалось обсуждение Эдика и Ко, да и он сам подавал определенный к тому повод, чрезмерно картинно заботясь о ней. Довольно весело, не сказать – смешно, было наблюдать это козыряние в воскресной школе.

Вышли из столовой, слегка насытившись. У Тани было хорошее настроение, ей хотелось слегка постоять на ушах. Витка решил предоставить ей такую возможность, точнее, с целью оценки ее массовых характеристик, предложил запрыгнуть к себе на ручки. Таня не преминула. Витя устоял, хотя и пошатнулся, после чего посоветовал ей искать кого другого, кто ее на ручках носить будет.

В зале вокзала пытались уснуть. Скамейки в Горе были до невозможности неудобными, с разделительными подлокотниками, чтобы одна персона сидела, а другая к ней присесть не могла. Дизайнеры заботились о чистоте нравов.

Витя плюнул на пол и на такой сидячий, с позволения сказать, сон, раскинул пену на кафеле пола, вторую – под голову, накрылся ватником и заснул. На скамейках же творилось

нечто интересное. Я скромно уселся в уголок и нескромно начал наблюдать за обществом.

Наташка с Надей вложились в две ячейки скамьи, со всех сторон закидались куртками и отрубались.

Сергей крючился-крючился на сиделище и умудрился-таки уснуть.

Лена сидела рядом со мной и попыток спать не делала.

А вот за ней, дальше, происходило то, на что стоило посмотреть. Эдик, чтобы обеспечить Ирине крепкий и здоровый сон, поукрывал ее куртками, возложил ее голову на себя. Сидел он к ней подозрительно близко – уж не в одной ли ячейке, что само по себе парадокс, учитывая суммарные габариты. С другой же стороны на него облокотилась Юля Маленькая. Но по неопытности своей, мягкого лежбища Эдик из себя изобразить не смог, и Ирина все время пыталась устроиться поудобнее, а Эдик ее пытался уговорить тихим нежным шепотом. Кончилось это тем, что возмущенная по-мехами ее сну Маленькая вскочила, сказала:

– Ну что такое! Как только я начинаю засыпать, они тут же принимаются мурлыкать! – и ушла гулять со Степаном²⁹, которому тоже не спалось...

---

²⁹ Не Степаном, но реальных имен без повторов уже не хватает, а фамилии я решил не писать. Хотя, к моему огромному сожалению, этот герой повествования уже точно не привлечет меня к ответственности за свои персональные данные. Инсульт в сорок лет плюс оптимизация медицины в Березниках. *Каким ты был, таким остался: Орел степной, казак лихой...* Поэтому пусть здесь будет Степаном.

Реплика насчет мурлыканья мне понравилась, к тому же, Ирина с Эдиком, оказывается, беззастенчиво прозвали себя кошечками. Итак, теперь проблема – как сообщить Эдику, что он – мартовский кот, так, чтобы побольше народу во-круг, и чтоб к случаю, а не как штукатурка с потолка? Думаю, это будет действительно³⁰. Сон так и не соизволил придти ко мне вплоть до самого прибытия поезда до Бокситов, чему я был не слишком рад. Хочется, не хочется – ночь существует для того, чтобы спать, пусть сидя, пусть стоя. А денек, сдается, будет не из легких. Кэп обещал на сегодня километров несколько, а первые километры – они, говорят, самые трудные.

Билеты в поезд достались неудачные. А может быть, и удачные, с какой стороны посмотреть. Плацкартные, но в четыре разных вагона: 2, 11, 12, 13³¹. Мы втроем с Витькой и Сергеем попали в 11-й. Пришли, там, естественно, сонное царство – четыре утра, как же еще. Всунули лыжи на третью полку, вложили рюкзаки, и молоденькая, испуганная по-

---

³⁰ Сам не верю, когда читаю, что и насколько меня беспокоило *триста лет тому назад* (С)...

³¹ А ведь не было возможности эти билеты взять заранее, вообще и никакой. Единственное – ехать до станции отправления, наперегонки бежать в кассу, кто успел, тот и взял. Кто не успел, за три часа до отправления будет первый сброс билетов, надо именно в этот момент оказаться у окошка. Не повезло – за час будет второй сброс, в шутку называемый *бронь обкома*... Если и тут не повезло, из вокзала никто не гонит, он на ночь не закрывается (ни один!), сиди сутки до следующего поезда.

явлением этаких мавров³², проводница сообщила, что у нее только два места, и те – верхние боковые, а соседние вагоны она уже обегала, и там нет ничего, так что... Да, но может молодые люди соблаговолят подождать два часа, на такой-то станции у нее выйдет уйма народу... Проводнице было явно неудобно. Еще бы: двое с лыжами, особенно, в ее невыспавших глазах, виделись ей, наверное, чем-то очень большим. Я большим видеться не мог, но держал нож в ножнах на поясе³³, а об оплывших за время сна в Горе лицах и говорить не приходится.

Коротко говоря, два часа мы болтали в тамбуре. Сначала разговор был пристоеен, но когда фаза совсем взыскрила, посыпались реплики очень выразительно многоточного класса. Сперва Сергей только вскрикивал: «Какая пошлость!...», а уже через полчаса то же самое говорили ему мы.

Плохо вспоминается, как я очутился на нижней боковушке, где и проснулся часов в одиннадцать. Вроде бы ехала там какая-то бабушка, а может, дедушка, или не дедушка вообще... Да не все ли равно? Главное, что некоторая «провинность» ни в чем не повинной проводницы (два часа в тамбуре стояли, ах они бедные³⁴!... – было написано на ее лице всякий раз, когда она проходила мимо) толкнула ее на нару-

---

³² Сам себя не похвалишь – кто же осмелится?

³³ И ни один милиционер не находил повода придрататься. А полицейских тогда не было, то ли уже, то ли еще.

³⁴ Не был я специалистом по физиогномике, что поделать.

шение инструкции, и мы валялись на матрасах, не взяв белья, что строго воспрещено.

Утро было тяжеловатым. Несмотря на былую долгую практику недосыпов, голова погудывала, и хотелось есть. Сходили в буфет, оставили там трояк³⁵ и запаслись чем-то не слишком вкусным, но съедобным. Во время поедания этого, мимо, в тот же буфет, прошла другая делегация, но лимонада ей уже не досталось. Воистину, Господь знает, кому дает: они-то всю ночь спокойно спали...

За окошками стали появляться возвышенности, снега на которых было до обидного мало. И зачем, спрашивается, брали мы лижи – на смех окружающим? Солнце светит ярко, каждое дерево обтаяло до земли, и остатки снега быстро и верно превращаются в воду. Ладно, кэп знает, что с собой брать, а что – нет.

Помня, что на билетах было ясно написано – до станции Бокситы, мы на этой станции похватали вещи и вылезли из вагона. Сонный командор тоже вылез, почесывая пузо, но... без вещей. Увидя нас, он растерял остатки сонливости и, после пары комплиментов, объяснил, что на Бокситах кончается власть МПС³⁶, а дальше, до Североуральска, куда мы, собственно, направляемся, нас повезет по заводской ветке мотовоз, а посему надо залезть в вагон и не рыпаться,

---

³⁵ То есть жутко много. В столовой можно было поесть копеек на 80, рубль съедался с трудом.

³⁶ Министерства путей сообщения, в вольном толковании – РАО «РЖД»

а что насчет сообразительности...

Лыжи мы втащили не к себе, дабы не вводить в смех проводницу, а в 13-й вагон, где ехали Эдик, Коля, Юля и Славик. Погуляв на улице и полюбовавшись на открывающийся из-за маленького вокзального домика вид на горы Золотая и Пумпа³⁷, соединенные провислой перемычкой, пожужжав кинокамерой, мы вошли в вагон. Там было маревно и *томно*.

Слава, явно чем-то не совсем довольный, сидел на лавке. Напротив с краю сидела Юля с непроспавшимся лицом и смотрела отчужденно. Головой на коленях у нее приютилась Ирина, за которой в углу сидел помятого вида Эдик. При нашем появлении он издал тихий стон и нежно прилег (да простят меня!..) на таз к Головиной³⁸. Та повела бедром, и Эдик, дабы не улететь на пол, сел. После повторной неудачной попытки он восстенал, что ему было так удобно, а она... Она промолчала. «Какая пошлость!» – хором подумали мы и удалились в тамбур. Очумел Эдуард... как там его по ба-тюшке, не знаю.

Североуральск встретил ветром, солнцем и обилием конкурентов. Насчитали групп семь, не меньше. Рюкзаки свалили в кучу, кэп побежал в КСС³⁹, приказав накормить на-

---

³⁷ Специально не исправляю. Конечно, Кумба. Но тогда не было ни бумажных карт, ни мапс. гугля. Незнакомые названия вновь увиденных гор приходилось выяснять в разговорах с аборигенами, а разговаривают они всегда невнятно.

³⁸ Эх, ну почему ж он, почему на я?!

³⁹ Контрольно-спасательная служба, в вольном толковании – подразделение современной МЧС. Они тогда были, работали, спасали, и отмечаться у них было

род в близлежащей столовой. Народ поел в столовую, мы с Виктором остались дежурить над рюкзаками и посоветовали Наташке остаться с нами – был разговор по поводу *котика*, и вообще провести время в разговоре с ней приятнее, чем с другими девушками. Ей не особенно хотелось идти есть во вторую очередь, а может быть, просто постеснялась, но все же начала склоняться к воплощению нашего совета, да Ленка увела под шуточку. Вот спасибо-то...

Туристы трапезовали долго. Мы успели завершить тему разговора, хотели написать «клеветон» на этот случай, я даже слазил в рюкзак к Наташке и уже почти добрался до маленькой записной книжки-дневника, как вдруг наткнулся на тугую скрутку розовой туалетной бумаги. Это привело меня в такое смущение, что я поспешил застегнуть карман, и больше туда не совался, дабы не найти еще чего эдакого⁴⁰. Еще я успел поговорить с какой-то общительной бабушкой, которая сообщила, что город большой, «большой город – на шахтах, поселках вон народу сколько», люди хорошие, лучше, чем на европейском Урале, а сын у нее в Березниках в танковых служил, и люди в тех Березниках – нелюди, и вообще, Североуральск лучше, жрать, конечно, нечего, только в Европе еще нечегое... Все бы ничего, но какие такие танковые в Березниках? Никогда их у нас не было. Служил, наверное, шофером в стройбате или на автобазе колодки кле-

---

обязательно.

⁴⁰ Чудо чудное. Неужели это был я?

пал...

Толпа начала возвращаться. Сходили и мы, поели. Не особо качественно, но и недорого. Что самое интересное, что здесь, то в Гороблагодатской – чистые вилки и ложки. Нонсенс – после Москвы, конечно. В столовой подсел кэп и после недолгих уговоров поделился планами. Выедем мы не во Всеволодо-Благодатское, как все нормальные туристы, а в Баяновку. Туда и автобусы ходят чаще, и есть возможность проехать в обман МКК⁴¹ 40 км на машине до Крива Сосьвинского, а там – 10 км до Сольвы, куда нам и надо. Стандартный же вариант – уехать на Всеволодку и 44 км пешком за два дня, и машин там быть не может. Вся глубина замысла руководителя раскрылась потом, тут же я мысленно пожал плечами – плохо еще представлял, какая разница – 40, или 50, или 10...

Вернулись. Люди стояли, пели. Мне что-то не захотелось, но я бы встал в круг, да одному вдвигаться неудобно было, а Витька наотрез отказался. Интересная у него метода – в поведении мало считаться с окружающими, если нет ничего военного. На мой взгляд, все-таки нужно слегка при-

---

⁴¹ Маршрутно-квалификационной комиссии, общественным органом выпуска на маршрут, оценки походов, аттестации туристов и присвоения разрядов. Это был очень влиятельный орган, он имел печать, что в СССР было редкостью, и эта печать имела вес. И у милиционеров на вокзале, и в кассе на автостанции, да и просто слова «у меня тройка участия» наполняли произносящего гордостью. Всё куда-то делось, на момент корректирования книги МКК это одна из неглавных и нищих комиссии соответствующей федерации, разряды не присваивает, да и немного где осталась.

держиваться в рамках, которые делает коллектив или даже просто собеседник. Но на сей раз я отошел на середину при вокзальной площади, снял панорамку, а потом мы прогулялись по лиственничной аллее до центральной площади городка, метров четырехста, поглазели и вернулись обратно. А городишко-то махонький, зря та бабушка его преувеличивала.

Туристы отпелись, разошлись кучками. Влад объявил время автобуса – до него оставалось минут сорок. Мы выпросили у Наташки листок и ручку и принялись сочинять клеветон на события прошедшего времени, так как в дневнике, что мы читали, было написано довольно скупо и неинтересно. Клеветон вышел ядовитый. Не помню его дословно, но был он лаконичен, и каждое второе слово несло по две нагрузки. Сначала описывался теплый вечер, а потом через две три фразы шли слова типа *холодало* или *ночь обещала быть холодной*, а далее – кто, как и об кого грелся. Про «котика», дабы не заострять особо внимание, было всего несколько предложений, но из них брызгал яд. Что-что, а съязвить мы еще можем⁴²...

Поданный Наташе⁴³, клеветон выявил некоторый интерес к этой проблеме, но наблюдать долго мне не удалось, поскольку Эдик тоже проявил интерес, и пришлось его дели-

---

⁴² Когда котятятся не с нами. Что поделатъ, все мы люди, и с каменных веков люди не так уж изменились.

⁴³ Еще раз: актуальному командиру городского комсомольского штаба. Это, конечно, не помощник секретаря райкома комсомола, но очень важный товарищ, и в рамках штаба очень влиятельный.

катно убрать подальше от места, где девчонки читали и фыркали.

Пришел автобус, и набилась в него чертова уйма народу. Сначала думал, что не уедем, но, оказалось, влезли чудным образом все, и поехали все. Основная масса вошла в переднюю дверь и пела песни, а я залез сзади с лыжами, Костей Катаевым и еще некоторым контингентом, включая Эдика. Разговор зашел смазливый, и как-то подошло под руку – высказал ему насчет мартовского кота. Он внимательно осмотрел меня, себя и тоскливо подумал, что бы мне в ответ этого отмочить, но не нашелся ни сразу, ни потом⁴⁴.

На заднем сидении сидел один интересный товарищ и походя вел экскурсию по проезжаемым местам⁴⁵. Ничего, занимательно. Вокруг то, что раньше читал в книжках про всяких сибирских геологов, аляскинских промысловиков и т. д. Грязь невозможная, автобус ковыляет по дороге еле-еле, параллельно идет однопутная железнодорожная ветка, пустая и даже без столбов...

Баяновка – домов семьдесят, наверное, большое село, магазин, клуб. Девушки сразу же смотались в промтоварный, Татьяна какую-то тушь для ресниц даже приобрела. Вот ведь девичья натура: надо-не надо...

Влад куда-то ушел искать машину на Крив, мы остались в маленькой будке на остановке. Прогретый солнцем

---

⁴⁴ Да, мне тоже уже надоело *про это* читать.

⁴⁵ Вот от него мы и услышали «Кумба», а поняли «Пумпа».

павильон, чистый и ветхий, согрел душу теплом отполированных временем досок. Было приятно расслабиться и расползтись мыслью по давно некрашенному дереву. Рядом, на крыльце клуба, пристроилась пермская группа, ребята – школьники, собрались с нами до Крива. Наши порасселись в будке после посещения магазина и всего остального, как делать нечего стало. Лена гадала на картах Эдику. Степа как ремонтник что-то подштопывал, Ирина подавала ему иголки⁴⁶. Мы отвели Наташу в сторону, спросили – как клеветон⁴⁷? Хорош, ответила, но не для дневника, а для общего образования. А что насчет котика? – Скажу, говорит, Иринке уже намекала. И так это все сухо и с чувством собственного немалого достоинства. Вот ничего себе, думаю, командирский тон проявляется. «А какое, – говорит, – вам вообще дело до них?» Типа того, что пусть что хотят, то и делают. Я немного растерялся от такой постановки вопроса и, надо сказать, очень нескоро нашел приемлемые доводы насчет того, что дело есть, и как же без этого⁴⁸. Впрочем, разговор не получился, Наташа явно не захотела обсуждать эту тему. Вольному воля.

Пришел мрачный начальник. Почти договорился с каким-то шофером, но у нас, русских, чуть-чуть, как известно,

---

⁴⁶ А не Эдику, заметим.

⁴⁷ Очень хотелось, чтобы похвалили, и чтобы наша несгибаемая воля привела к изменениям в окружающем мире.

⁴⁸ И, к сожалению или счастью, этого совершенно не помню. И не понимаю.

не считается. Последовал приказ – топать за околицу в лес, а утром, может быть, уедем.

Пошли. Я все бегал, пожужживал кинокамерой⁴⁹, а туристы обнаруживали неумение ходить кучно и быстро растянулись на приличное расстояние.

Костя явно не знал, куда ему девать сумку с теми самыми курами, за которыми Таня с Надей лётали в городе. Ему эту сумку доверили донести до леса. Он тяжело пыхтел и часто перебрасывал авоську из руки в руку.

– Закинь на рюкзак, – посоветовал я. Он попытался, но малоуспешно.

– Да. Так. Я. Еще. Не. Ходил, – сказал он с передыхами.

Поскольку прошли всего метров триста, я с интересом представил, что же он будет делать завтра на десяти километрах, и поинтересовался, ходил ли он вообще в походы. Костя рассказал, что ходил – в какие-то парусные, где, коротко говоря, довозили до места и назад от места. Да, весело ему будет завтра.

Пришли в лес. Сосенки стоят приятные такие, душистые, полянка, как для нас приготовлена, и две группы – пермяки и еще одни пермяки – уже кашу варят. Побросали вещи, вытащили топоры. Бог мой, ну и молодежь пошла! Стоит

---

⁴⁹ Да! Она у меня была! Это была невидинная роскошь... и лишние 5 кг в рюкзак, потому что надо было тащить не только двухкилограммовую трехобъективную «Неву» на шее, но и кучу катушек с пленкой. Потом их проявлять, путем склейки монтировать фильм и гордо демонстрировать. Все смотрели с интересом.

от (имярек) около сушины и тят... тят... тят... То ли дело – Виктор подойдет, прицелится, рраз – неси, имярек, а топор-то оставь, ни к чему он тебе...

Дрова напластали быстро, Славки принялись костровать, а большая половина принялась за палатку. Витька пролез вовнутрь, встал временно вместо кола, вернее, около него, и все кричал, что он – золотая рыбка в океане, и его поймали неводом. Под неводом, очевидно, подразумевалась палатка.

Палатка, кстати сказать, была у нас интересная – белый двенадцатиугольный шатер с дном и дыркой под трубу, «нулёвый⁵⁰» – могу представить, сколько усилий понадобилось Владу, чтобы взять его в турклубе⁵¹! Существенным неудобством являлось то, что шатер приспособлен был для постановки на снегу, в который легко втыкаются лыжные палки, а не на мерзлой земле, куда и кол-то топором не загонишь, не попотевши. Молодежь встала по углам, а я бегал кругом с мотком киперной ленты, подвязывал углы, колотил колышки, но все равно постановка вышла не слишком ровная. И Бог с ним: стоит, и ладно. Внешний вид – белый шелковый купол, один сегмент, противоположный выходу – оранжевый, чтоб впотьмах выход не искать, по стенке не бегать – скрадывал небрежность постановки. Соседи тихо завидовали: их брезентушки не имели ни вида, ни вместительности,

---

⁵⁰ То есть ни разу не использованный: следы даже одного употребления на зимней палатке остаются навсегда.

⁵¹ «Зима». КСС умерли, МКК туда же движутся, а «Зимы» остались до сих пор.

а только немалый вес, как любая советская палатка для массового туризма.

Ужин поспевал. Саша махал топором, тщетно борясь с сучками. Славка усердно дул в костер. Девушки стаскали рюкзаки под одну сосну, собрав их с большой площади, по которой их разбросали мастера-туристы. Сильные девушки. Мы при помощи Лены раскидали пену и спальные по палатке и устроились поваляться, и тут произошел небольшой инцидент.

Дело в том, что кэп, лишенный на два года армии общения с культурными штабными людьми, приобрел привычку говорить некоторые выражения. Одно из них, наиболее цивилизованное, которое он регулярно употреблял, это «нафиг» и все его комбинации, какие только возможно придумать. И падкие на подобные вещи штабисты, и мы вместе с ними, стали употреблять то же где попало. Вот кто-то слишком громко послал кого-то нафиг, и раздался металлический голос Наташи, обещавший смертные кары нафигистам. Но угораздило же Витьку почти что вслед за этим, в приватной беседе в палатке, но чересчур отчетливо, повторить данную реплику, и предупреждение последовало уже в персональный адрес. Да таким жестким голоском... Он обиделся, но промолчал. Командирша – пусть ее командует. Но долго еще ходил и про себя возмущался – вот ведь, зубы, что ли, режутся...

Солнце садилось. Куры варились, побулькивая в котелке. Мы с Витькой и Леной сидели в шатре и душевно беседо-

вали. Вылезать не хотелось – все же несколько намотались за день, да и ночь была не в лучшем варианте. Но желудок, ясно расслышав призыв к вечерней трапезе, шуру выгнал нас наружу. Куры были ничего, если учесть, что давно уж не ели. Во время ужина кэп вспоминал былые похождения – как ходили, как их на вертолете откуда-то вывозили, как «Уралкалий⁵²» за это полторы тысячи выложил⁵³... Витька фыркнул и сказал, что не любит людей, которые обмениваются в одностороннем порядке воспоминаниями с малознакомыми личностями. Я бы и послушал, но тон кэпа мне отчего-то тоже не понравился, и я с ним пошел заниматься благородным делом – обрубать нетолстые сухие пенечки на костерок. Народ не очень понял наш порыв, но мне было как-то все равно. Пусть-ка и народ голову поломают, что это нам в голову ударило, а то уж и думать разучились, как издали посмотришь. А может, кажется: старики, и штабные тоже, всегда горазды на молодежь поворчать⁵⁴.

Ночь приближалась. Немного похолодало, и стал поддувать легкий, но препротивный из-за своей температуры ветерок. Начальник приказал – спать и полез в палатку, распре-

---

⁵² Градообразующее предприятие Березников, сейчас ПАО.

⁵³ Годовая зарплата начинающего инженера.

⁵⁴ Сейчас мне, разумеется, не нравятся те, кто *меня* у костра не слушает – ведь я, действительно, рассказываю интересные и нужные для начинающих туристов вещи. Полагаю, что и Влад тогда с высоты своего опыта рассказывал нужное и интересное для нас. Чуть-чуть меня оправдывает, что мне все же хотелось послушать... но вот поддался. Я вообще тогда поддавался охотно.

делив на первые два часа дежурных по паре на час: Баяновка рядом, а кто, что там – кто его знает. А рюкзаки на улице и т. д. и т. п. Все, короче, правильно. Мы попали дежурить с часу до двух ночи, а перед нами – Лена с Наташкой, у которых было некоторое настроение для бесед. Мы немного поговорили, и около половины одиннадцатого они залезли спать. Мы спать не хотели, да и углубляться в спальник, где мерзли Эдик с Сашей, не допущенные до лучшего места, не было желания.

Ирина со Степой дежурили, жгли на соседней березе шахтерку – мыли посуду. Вот чудики, нет чтобы экономить электричество, которое нужно будет еще целую неделю⁵⁵, подтащились бы к костру поближе – да и теплее у него. Помыли. Степан уселся сушить резинки Ирины, я сушил валенки Кости, в которых он сегодня походил весь день. Не шибко веселое было занятие, если учесть, что литра два воды в них было. Сидели и тихонько беседовали на не помню уже какие темы, изредка отходили искать в темноте пеньки, или сучки, или что другое горящее, но поиски, как правило, были безуспешны. Если бы просто темнота, то еще ничего, а то над баяновской автобазой засветили здоровенной мощности осветитель, и он прилично слепил глаза.

На огонек прибегали парами и более местные собаки и живо интересовались нашим бытом. Молодежь их шугала, кидала дефицитными сучками; мы с Виткой мирно с ними

---

⁵⁵ Шахтерка «садилась» часов за пять, фонарики на батарейках – за час.

беседовали и в конце концов договорились, что они после часа уже не появлялись.

Время шло. Валенки сохли, портянки я уже мимоходом высушил. В гости пришли соседи – пермяки, трое юношей: два – десятый класс, один – девятый⁵⁶. Мы тихонько посидели, и пришло время будить следующих дежурных, что Степа, забираясь спать, и сделал. Вылезла Наташка, страшненькая после часа сна, и Ленка – не лучше. Полязгивая зубами, присели у костра на заранее принесенные нами чурки. Пригрелись. Почти одновременно вылезла Юля по причине неумения спать в тесном спальнике. Странные люди – готовы не спать, поджариваться со стороны костра и подмерзать – с другой, только бы не пихаться в спальнике. Тут мораль одна: спать захочешь – и стоя уснешь.

Пермяки с малоскрываемой тоской посматривали на наших девушек, ибо группа у них была моноандрическая.

Кто-то предложил поиграть в откровенности. Смысл игры такой, что в кругу кто-нибудь называет первое попавшееся число, это количество отсчитывают по часовой стрелке и тому, на кого попадет, называвший вопрос задает вопрос, счи-

---

⁵⁶ Тоже в зимнем лыжном походе. Я к тому, что наша группа не представляла собой ничего уникального – в весенние каникулы тысячи детей направлялись в леса и сугробы, без всяких договоров с родителями (достаточно «ладно, иди»), Роспотреб- и прочих надзоров, медицинского сопровождения при переезде более четырех часов и запретов почему-то ехать ночью на автобусе. В общем, без всякой современной дури, якобы продиктованной заботой государства о безопасности детей (которым через год в армию).

тается, что любой, и отвечать надо только искренне. В принципе, игра ничего, только играть надо ограниченным кругом, только свои, и система распределения вопросов должна быть другая, ибо в кругу до десяти человек (а больше-то и не надо) каждый элементарно просчитывается, и получается, что вопрос задаешь тому, кому захочешь, только скрывая это. Какая уж тут откровенность, если с невинным видом говоришь «пятнадцать» и твердо заранее знаешь, у кого и что будешь спрашивать.

Эта игра гостей наших укачала. В самом деле, что спрашивать у незнакомых людей? Имя – фамилию? Смех. Одно было развлечение – около половины второго подъехали два баяновских камикадзе на мотоциклах, один – без света, постояли десять минут у костра. При их приближении я аккуратно нащупал и придвинул поближе к себе топор, но ожидания не оправдались⁵⁷

---

⁵⁷ А если б оправдались, никакого толку от топора в моей руке не было бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.